

РОМАН ТИТОВ

ПРЕДВЕСТИНИК

ШЕСТИМАСОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Титов

Предвестник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70316005

SelfPub; 2024

Аннотация

Амарик Пантелеев – опытный сыщик-телепат, однако еще ни разу в жизни в его руки не попадал преступник, погружение в воспоминания которого могло принести человечеству столько проблем...

Роман Титов

Предвестник

– Расслабьтесь. Больно не будет.

– Знаете, врачи всегда так говорят.

Рик не сдержал улыбки. Он понимал, что улыбаться в таком деле сродни кощунству, но сдержаться не мог. Слишком уж лукаво смотрели на него эти мутноватые водянистые глазки. И слишком многое пытались утаить.

– Я не врач, – сказал Рик в итоге негромко.

Его визави усмехнулся в пышные седые усы:

– И это, замечу, не утешает. – Взгляд старика как бы мимоходом скользнул по мягким кожаным ремням, прижимавшим тонкие и бледные, в синей росписи вен запястья к подлокотникам допросного кресла и снова вернулся к нависавшему над ним оперативнику. – Мне все это, чтоб вы понимали, не впервой. Даже в нашем захолустье графитовые глаза не то чтобы большая редкость.

Рик чуть отступил. Сама идея того, что должно было вот-вот произойти, казалась излишней. Доктор Зиновьев, несмотря на все попытки внушить окружающим идею собственного безумия, на поверку оказался совершенно здоров. Да, с собственными студентами он поступил крайне жестоко, но сам факт надругательства еще не делает человека сумасшедшим. Иные социопаты порой не видят разницы меж-

ду убийством назойливой мухи и членовредительством над троицей молодых и подающих надежды биологов.

Впрочем, против протокола не поперешь.

– Тем лучше, – вздохнул Рик. Его так и подмывало отвернуться, но в тесной камерке, неожиданно-негаданно превратившейся в допросную, смотреть больше было абсолютно не на что. Скорбные стены без окон и единственное кресло, намертво привинченное к полу в центре треугольника падавшего с потолка света – вот и все, что составляло обстановку. – Значит, обойдется без сюрпризов.

Зиновьев опять усмехнулся. Кустистые брови, крепко переплетшиеся с длинной и давно нечесаной челкой, таинственно заиграли. Два темных круга у глаз, объединенные тонкой переносицей, теперь напоминали не о крайней степени усталости и недосыпе, но, скорей, о дурной шутке с нарисованными очками.

– Сколько вам лет, молодой человек? – поинтересовался доктор. – Судя по татуировкам, вы точно не из стажеров. Уже оперативник?

– Я старше, чем может показаться.

– А все-таки? Едва ли больше тридцати. Вы моложавы, это факт. И симпатичны, как мне думается. Уверен, Тамара нашла бы вас весьма и весьма привлекательным: впалые щеки, полные губы, брови вразлет. Бритая голова немного портит картину, но не критично. И эта марсианская бледность... Вы ведь не из чистых землян, верно? Скажу прямо, вы не похо-

жи на тех ищеек, что обыкновенно приставляют к персонам моего уровня.

Рик и рад был бы посмеяться над самомнением Зиновьева, да профессиональная этика удержала. Кроме того, нельзя было позволять доктору закрыться, иначе правдивых воспоминаний из него потом клещами не вытянешь.

– Можете не беспокоиться, доктор. Мое происхождение никоим образом не влияет на мой опыт и навыки.

Доктор, будто почуяв некую фальшь, склонил голову на бок и хитро сощурился.

– Но это все-таки не то, чем вы бы хотели заниматься всю оставшуюся жизнь, не так ли?

Удивительное дело, но что-то в словах и мимике Зиновьева как будто что-то всколыхнуло в душе Рика. Прежде ему никогда не приходило в голову откровенничать с подозреваемыми. Что уж, он и в этом случае не собирался выворачиваться наизнанку перед убийцей. Однако ему показалось, что некое потаенное чувство, запрятанное глубоко под наслоениями нужд и обязательств, выползло наружу. И прятаться больше не собиралось.

– Боюсь, мой телепатический талант не оставил мне выбора.

– Вы так считаете? – Знатные усы доктора приподнялись, обнажив тонкие бледные губы. – Ну, мы это еще поглядим.

Рик не сдержался и хохотнул.

– Как скажете, доктор, – сказал он со смехом. – А теперь,

если не возражаете, давайте все-таки приступим.

Не дожидаясь реакции, Рик сделал то, ради чего прибыл на Европу. Он подался вперед и, больше не обращая внимания на бормотание старика, с головой окунулся в водоворот мыслей последнего.

В одно мгновение стылое окружение и мерзопакостная ухмылка ученого-убийцы испарились, и все вокруг заволочло туманом неопределенности. Хотя, неопределенностью это назвал бы, разве что, дилетант. Рик дилетантом не был. К двадцати семи годам он накопил приличный опыт по части погружения в мысли подозреваемых и с той же уверенностью, с какой старики разгоняют чересчур заигравшуюся детвору, развеял призрачную мглу и пустился по сумрачным переходам памяти Зиновьева...

Рик стремительно несся вперед, точно гончая, принимаясь, прислушиваясь, приглядываясь. Он уже знал о Зиновьеве больше, чем требовалось. Почетный землянин, именитый биолог, специалист по изучению внеземной жизни, старый доктор и его немногочисленная, но, судя по отзывам, вполне толковая команда, уже более года изучал подводную фауну четвертого спутника Юпитера. Немного самодур, но без наполеоновских замашек, Зиновьев никогда прежде не проявлял вспышек кровожадности. Тощий, словно мумия, и с вечно с всклокоченной гривой, он напоминал зубную щетку, которую можно переломить на раз-два. Какое уж тут убийство троих рослых и пышущих здоровьем студентов? О,

нет. По всему выходило, что Зиновьева что-то подтолкнуло к тому, чтобы поочередно разделаться с каждым из своих помощников, а затем превратить их в жуткое подобие инсталляции, предназначенной, как он затем выразился, для того, чтобы предотвратить бегство.

Предотвратить бегство...

Словосочетание врезалось в память, но Рик не стал на нем заикливаться, вернувшись к делу. Кое-какие из дверей, попадавшиеся на пути, оставались неприступными, тем не менее это не обескураживало. Рик знал, стоит ему почуять лакомый кусочек – малейший проблеск, намек, связанный с делом убитой аспирантки и двух студентов-лаборантов, никакая дверь уже препятствием не станет.

Вдруг, словно почуяв проявленное упрямство, лабиринт мглистых коридоров и сумрачных дверей изменил положение – перестроился в мгновение ока, точно ловкий конструктор, прибавив тени и напрочь перепутав все входы и выходы.

Подобная выходка слегка обескуражила, но концентрации утратить не вынудила. Зиновьев рвется поиграть? Что ж, Рик не станет противиться. Ему и прежде попадались ментальные ловкачи – любители организовывать свое сознание так, чтобы вторженцу сложнее было ориентироваться. Такие уникамы горазды выдумывать ловушки для чужого разума, однако и сами при этом теряют существенную долю здравого смысла. Может, именно это и послужило триггером доктора?

– И снова здравствуйте, господин Пантелеев!

Рик обернулся.

Зиновьев – или точнее его проекция, аватар сознания, концентрированное эго, – стоял напротив. И премило улыбался.

– Доктор, – кивнул Рик, без особого, впрочем, радушия. – Решили снизить до помощи?

– Помощи? О, нет, друг мой! Это было бы не по правилам, верно? Я лишь хочу убедиться, что вы не свернете, куда не следует. Однако помогать вам исследовать чертоги моего разума я вовсе не намерен. Я не идиот.

– Стало быть, скрывать все-таки есть что.

– Молодой человек, – брюзгливо отозвался Зиновьев, – всякому есть, что скрывать! Так уж повелось, что мы привыкли стыдиться тех мелочей, что прячем от окружающих. Предположу, что сам я далеко не великий скромник и все же даже мне было бы неприятно, если б вы засунули нос в воспоминания, которые, к примеру, касались бы моей частной жизни.

Рик постарался не слишком открыто продемонстрировать раздражение. Последнее, что должно волновать убийцу, которого вполне возможно ожидает полное переформатирование, это сохранение инкогнито в интимной сфере. Он терпеливо пояснил:

– Насчет этого можете не беспокоиться. Трогать ваши личные воспоминания я не намерен. По сути, вся процеду-

ра – лишь формальность. Я должен подтвердить факт вашей вины и ничего более.

Разумеется, это не убедило доктора. Или он очень хорошо подыграл.

– Я вовсе не стыжусь того, что сотворил, – сказал он, – и с радостью раскрою все свои мотивы. Тамара их, к сожалению, не поняла. А жаль, честное слово. Она была безумно талантливой девочкой. Нечета паре дебилов, что выделили мне в качестве лаборантов... Что ж, идемте. Я покажу все, что вам следует видеть.

Ответа Зиновьев дожидаться не стал. Развернулся и, сложив руки за спиной, засеменял вверх по туманному коридору, пока не остановился перед одной из совершенно одинаковых на вид дверей – тяжелых, непрístupных и сотканых будто бы из кошмаров.

– Думаю, вам следует заглянуть сюда. – Он легонько подтолкнул створку и та покорно приоткрылась. – Только предупреждаю, не пытайтесь осмыслить происходящее. Просто смотрите. Иначе так ничего и не поймете.

Рик не собирался доверять сговорчивости Зиновьева, но и проигнорировать полностью тоже не мог. Добрая воля в подобных делах подчас играет куда большее значение, нежели добывание сведений силой. Потому, избавившись от сомнений, он переступил порог.

Долгих вступлений удалось избежать, и перед ментальным взором сразу предстала картина. Что это было? Грот?

Пещера? Темный свод, жадно нависавший над водяной кромкой, а по отлогому берегу, обнимавшему это тайное озеро ледяным полумесяцем, бродило несколько сутулых фигур. Рик пришлось немало напрячься, чтобы узнать в фигурах закованных в громоздкие скафандры сотрудников лаборатории Зиновьева. Их отличительный знак сиял оранжевой трехпалой ладонью в перевернутом треугольнике на белоснежном фоне спины – знак марсианской корпорации «Олимп». Поблизости стояли раскрытыми контейнеры с оборудованием и прочими штучками, необходимыми в экспедиции далеко за пределами искусственной и куда более гостеприимной среды научного комплекса. Пара буровых машин притаилась в стороне, скромно дожидаясь, когда в них снова возникнет нужда. Лишь троица автоматических погрузчиков деловито сновала туда-сюда, под истерические вопли Зиновьева переставляя научный скарб.

– Тamarочка, вы, кажется, обещали, что эти штуки будут полезны! – Доктор тыкал пальцем в погрузчики, от досады едва не подпрыгивая на месте. – Прикажете, чтоб убирались! Немедленно! Они изгадят здесь все своими лапищами! Только взгляните на эти пятна! Они загрязняют лед!

Одна из фигур в совершенно неотличимом от остальных скафандре, неуклюже развернулась. По внутренне связи, которую Рик воспринимал через призму воспоминаний Зиновьева, разлился слегка угрюмый, но вполне девичий голос:

– Простите, Федор Константинович, но вы сами хотели

разгрузиться побыстрее. К тому же, это всего лишь лед. Не вижу причин для паники.

– Знаете, дорогуша, – отозвался Зиновьев, явно уязвленный замечанием помощницы, – вам все же не достает тонкости. Для истинного ученого это существенный недостаток.

Тамара в ответ выдала ругательство, которое, к слову, даже не позаботилась скрыть помехами. Зиновьев что-то кудахтнул, но больше, к немалому удовлетворению Рика, цепляться к аспирантке не стал.

– Эй, вы! – крикнул доктор двоим, что топтались поодаль. – Сейчас же уведите отсюда этих механических монстров! Чтоб через пять минут и духу их тут не было! Ни одного проклятого автомата! На этот раз сами попотеем!

Пара безликих и практически бессловесных, но по материалам дела проходивших, как лаборанты Ушаков и Дементьев, опрометью бросились исполнять пожелание доктора – выводить роботов-погрузчиков из пещеры.

Сам Зиновьев, будто повинуюсь мысленному пожеланию Рика, не стал больше заикливаться на лаборантах и их деле, целиком и полностью сосредоточившись на изучении берега.

– Что это? – спросил он, склоняясь ниже и пытаясь перчаткой разгрести осколки льда, потревоженного машинами.

Рик, как бы пребывая за плечом доктора, посмотрел тоже.

Там, куда падал свет расставленных по периметру фонарей, ледяные отложения играли по-особому, переливаясь так, что создавалось впечатление, будто под тонким полу-

прозрачным слоем застывшей воды что-то текуче движется. Рик понятия не имел, на что смотрит, а мозг отказывался интерпретировать увиденное в отрыве от общей картины. Сильно смахивало на оптическую иллюзию.

Послышался тяжелый вздох аспирантки.

– То, на что вы не потрудились обратить внимания, пока заботились о чистоте и целостности покрова.

Зиновьев не стал заикливаться на пренебрежительном тоне помощницы, энергично счищая ледяной слой с гладкой и практически такой же белесой поверхности чего-то очень и очень большого.

– Надо же! Какая прелесть! Как искусно переливается этот рисунок! Потрясающе! Тamarочка, будьте любезны, вызовите сюда бригаду копателей. Достанем эту блестящую штучку!

– Но доктор, я только что...

Настроение Зиновьева изменилось будто по щелчку. Он гаркнул:

– Немедленно!

В следующий миг Рик испытал короткий приступ боли, как после удара в переносицу, после чего утратил фокус, а когда вновь пришел в себя, то понял, что попал уже в другое воспоминание. Теперь пещера казалась больше. И намного. Скромный грот, где до этого рассеяно бродили ученые, превратился в место грандиозных раскопок. Воду откачали. Бур-машин не наблюдалось, зато их сменили десятки похожих на облитых металлом пауков роботов-копателей.

Механические твари деловито сновали по отвесным стенам раскопа, аккуратно, но уверенно счищая остатки ледяной корки с предмета, похожего на застывшее щупальце гигантского кальмара. И под «гигантским» здесь следует понимать исполина размером с великого сфинкса в Гизе. Одно только это щупальце толщиной представлялось в человеческий рост. Что уж говорить об остальном «теле».

Рик, даже если б и захотел, не смог бы выдавить и слова. Ему пришлось как следует напрячься, чтоб догадаться, что представшее перед ним чудовище на деле не имеет ничего общего с творением европейской природы. Световые блики, падавшие на бесцветную и казавшуюся маслянистой поверхность, словно бы стекали с нее, боясь касаться, но вместе с тем вполне прозрачно намекали на искусственное происхождение находки, пролежавшей подо льдом...

– Тысячу лет! – выкрикнул Зиновьев, с восторгом, так и рвущимся за пределы скафандра. Он стоял на самом краю раскопа и широко распростер руки, как будто намеревался объять необъятное. – Вы представляете, Тамара? Эта махина пролежала здесь тысячу лет! Плюс-минус. А до сих пор выглядит как новенькая! Можете вообразить нечто подобное в отношении человеческих технологий?

Аспирантка, без которой и тут не обошлось, что-то неразборчиво пробубнила. Очередное проклятье, должно быть. Хотя и не пыталась скрыть потрясения.

– Не уверена, что нам стоит торопиться, доктор. Мы во-

обще-то даже не по этому профилю. Наша задача – изучать океан Европы, а не... – она с очевидной неприязнью ткнула пальцем в находку, – вот это! Нам бы закрыть зону на карантин и вызвать сюда настоящих археологов.

Зиновьев раздраженно притопнул. Скепсис помощницы его, судя по всему, немало угнетал.

– Ой, да будет вам! Только гляньте, что мы нашли! Это же открытие десятилетия! Да что там, века! Вспоминайте историю! А ну! Еще со времен первых искусственных спутников, запущенных на орбиту Земли, люди надеялись отыскать следы иных цивилизаций, путешествовавших когда-то среди необъятных космических просторов. С той поры минуло трижды по сто лет, но надежда не угасла. Люди заселили Марс и Пояс астероидов! Освоили Венеру и Меркурий. Даже в глубины Юпитера умудрились залезть! Однако ни единого намека на чужаков извне не нашли. До сей поры. А теперь представьте, что будет, когда мы не просто растрезвоним всей Системе о находке, а представим непосредственное доказательство – вытащим из ледяной тюрьмы инопланетный звездолет!

– Ну, до этого, я бы сказала, еще далеко. Уйдет немало времени, прежде чем мы счистим весь лед и проделаем достаточно большую каверну, чтобы доставить находку на поверхность.

– Ух, это да! Сил придется потратить немало! Но только вообразите, чем это в итоге аукнется! Новые технологии!

Колоссальный скачок науки вперед! Возможно, мечты о колонизации соседних звездных систем уже не будут просто мечтами! Дома все ахнут! А мы с вами... даже эта дегенеративная парочка... станем живыми легендами!

– Только не говорите, что собираетесь переправлять *это* на Марс. – Прежняя язвительность в тоне аспирантки испарилась, оставив лишь наичистейший ужас.

Зиновьев фыркнул.

– Разумеется. Откопаем птичку и нобелевка, можно считать, в кармане.

За сим дело не стало. Едва первое потрясение, обуявшее Рика, схлынуло, его перебросило в другое видение – в тот же раскоп, но уже с полностью освобожденной ото льда находкой под возведенным защитным куполом, за прозрачными сегментами которого сияло звездами черное европейское небо.

– Даже представить не могу, как эта красавица сюда попала, – восхищенно пропел один из лаборантов, любуясь чудом инженерной мысли, совершенно непохожей на человеческую. Без единого заметного шва, огромное веретенообразное творение с множеством разнокалиберных щупальцевидных отростков, плавно загибавшихся в стороны, и в самом деле поражало. Свет, прежде как будто избегавший касаться гладкого корпуса, теперь изменил поведение и будто лип к поверхности чужеродного корабля, выделяя его на общем полутемном фоне искрящимся пятном. – Так и хочется

прикоснуться...

– Не вздумай! – тут же оборвал его напарник. Оба были без скафандров, лишь в легких и не стеснявших движений комбинезонах. Ушаков и Дементьев – не без труда вспомнил Рик их фамилии, – напоминали типичных бездельников, лишь по нелепой случайности оказавшихся в группе серьезных ученых.

– А что такого? Старый хрен все равно не узнает. Пошли!

Но «старый хрен» знал. Иначе Рику попросту не удалось бы стать свидетелем этой сцены. Заняв выгодную для наблюдения позицию в тени одного из заряжавшихся копателей, Зиновьев смотрел, как двое разгильдяев, наплевав на вполне четкий запрет, приближались к безжизненному космолету. Эмоциональный окрас, которым доктор неосознанно наполнял собственное воспоминание, подсказал Рику, чего следует ждать.

Беда явилась без предупреждения, но по всем законам жанра.

Стоило беспечному лаборанту дотронуться до кончика щупальца голый рукой, его ментально прошило чем-то, отдаленно похожим на электрический разряд, а затем отбросило к ногам напарника. Тихое «Ох!» пронеслось над раскопом и, еще до того, как труп тяжело грохнулся о ледовую корку, унеслось вверх неясным призраком. Корабль же остался таким, каким и был.

Второй лаборант, все это время нерешительно топтав-

шийся за спиной напарника, потрясенно попятился. Он не бросился к упавшему приятелю, не попытался проверить, все ли с ним в порядке, только невнятно закудахтал, а затем, резко развернувшись на пятках, бросился прочь.

Зиновьев, которого случившееся потрясло не меньше прочих свидетелей, вышел из укрытия ровно в тот момент, когда бежавший студент почти достиг лифта, ведущего к лаборатории за пределами раскопа. Он не стал его окликать или как-то иначе препятствовать бегству. Лишь через наручный передатчик дал команду ближайшему роботу, позволив одной металлической конечности копателя вцепиться в шею бедняги, а второй без усилия раздавить ему череп.

– Прости, дружок, – проговорил доктор, счищая с себя остатки чужих мозгов, – но наши планы придется поменять. Никто не должен узнать, что здесь случилось.

Очередное видение свалилось на Рика, не дав ему и духу перевести, и снова поставило перед инопланетным кораблем, чей корпус теперь как будто мягко светился изнутри. Что спровоцировало такую перемену, не поддавалось объяснению, а Рик был слишком искушен в интерпретации воспоминаний, чтобы гадать. Он знал, что рано или поздно правда откроется. Нужно лишь немного терпения и чуть больше сведений о том, что случилось.

– Федор Константинович, вы не видели наших оболтусов? Нигде не могу найти эту парочку.

Зиновьев отреагировал на обращение с несвойственной

ему медлительностью. Все это время он неотрывно смотрел на звездолет, а появление аспирантки как будто разрушило чары. Скорчив недовольную мину, доктор оглянулся через плечо:

– К чему вам эти бездельники, Тамарочка? Все равно от них никакого проку. Только под ногами путаются. Лучше стойте со мной немного. Не могу представить, что за ум стоит за подобной технологией! Они опередили нас как минимум на миллион лет! А то и больше.

Тамара, без скафандра оказавшаяся весьма миловидной темнокожей девушкой лет двадцати пяти, тряхнула пышной зеленоватой гривой.

– Вы здесь уже с час. Не надоело?

– От такого зрелища очень трудно устать! – выдохнул Зиновьев и снова повернулся к инопланетному космолету. – Если как следует приглядеться, можно увидеть, что цвет обшивки местами становится то ярче, то темнее. Только присмотритесь!

– Не очень хочется. На меня, если честно, эта штука только жуть и нагоняет.

– Вот как? – Зиновьев выглядел не на шутку удивленным. – И чем же?

Тамара, поравнявшись с доктором, все же рискнула бросить в сторону корабля короткий взгляд.

– Не знаю. С тех пор, как мы его откопали, мне все время снится всякая дрянь.

– О, правда? – Удивление доктора сменилось крайней степенью заинтересованности. – А чуть поподробней можете?

Если его помощнице просьба и показалось странной, виду она не подала. Лишь, коротко вздохнув, сказала:

– Я каждый раз вижу собственную смерть. И всякий раз она случается по-разному.

– По-разному? Это как?

– Поначалу это были всякие несчастные случаи, вроде ледяного обвала, под которым меня и хоронит, или падение в каверну. Но со временем смерть становилась все ужасней и ужасней. Однажды мне приснилось, будто я прикоснулась к этой штуке, – она указала на корабль, – и тут же умерла. В другой раз на меня напал копатель. Ни с того, ни с сего, понимаете? Просто взбесился и раздавил мне череп.

Аспирантка прервалась. Ее взгляд оставался прикован к абсолютно чужеродному материалу, покрывавшему корпус не менее чужеродного космолета, но сознание как будто находилось где-то еще, так далеко, что невозможно отыскать никакими ментальными практиками.

– А дальше? – подтолкнул Зиновьев, казалось, совершенно не замечая потрясения помощницы.

Та моргнула, словно вопрос доктора вернул ее к реальности, отвернулась.

– Дальше – больше, – заговорила она неожиданно сипло и, сперва заглянув Зиновьеву в глаза, опустила взгляд на его пояс, где помимо прочего лабораторного снаряжения бол-

тался инструмент с длинной рукояткой и искривленной головкой в виде птичьего клюва. – Мы, Федор Константинович, здесь уже месяц, а меня все не отпускает. Сегодня мне приснилась новая смерть. Только теперь это уже не несчастный случай. Я увидела, как вы бьете меня по голове вот этим ледорубом.

Доктор мгновенно напрягся. Рик заметил, как в глубине его глаз промелькнул страх разоблачения. Старый псих уже придумал, как избавиться от помощницы, но, видимо, никак не ожидал, что она его вот так запросто разоблачит.

Мгновения бежали одно за другим, но никто из двоих не смел пошевелиться.

Вдруг доктор спросил:

– Скажите, Тamarочка, у вас в роду, случайно, телепаты не встречались?

Та моментально ощерилась, словно он спросил у нее невесть какую непристойность.

– С чего бы им быть? Я совершенно нормальная! И вся моя семья – тоже!

– Тише-тише, дорогая, – поспешил успокоить помощницу Зиновьев. – Я вовсе не хотел вас оскорбить. Видите ли, лично я сплю превосходно. И совершенно не вижу никаких снов. Будто проваливаюсь в пустоту и на этом все. До самого утра.

– Повезло вам, – сказала аспирантка, заметно расслабившись, и, будто опомнившись, выпалила: – Да где эти деби-

лы?! Вечно не найти, когда надо!

Оставив слегка растерянного Зиновьева у корабля, Тамара зашагала в сторону лифта и темно-красного пятна на льду, которого прежде, похоже, не замечала. Как и пояса со снаряжением, валявшегося неподалеку.

– А это еще что? – Она остановилась и склонилась над пятном. – Это кровь что ли?

– Это что ли кровь, – эхом отозвался Зиновьев, тенью скользнув следом за помощницей.

– Откуда она здесь?

– Несчастный случай, – хмыкнул доктор. – И напоминание время от времени доверять собственным снам.

Прежде чем смысл фразы дошел до помощницы, Зиновьев обрушил на ее голову ледоруб.

Дальше смотреть нужды не было. Рик уже видел, во что знаменитый биолог превратил собственных студентов. Разделив тела на куски, он позднее соорудил из них нечто, сродни старинного пугала. Венчала фигуру голова Тамары, надетая на штырь и лицом обращенная к кораблю...

Рик отпустил ментальные вожжи, позволив воспоминанию раствориться в общем потоке мыслей Зиновьева. Он вернулся в допросную комнату, где прикованный доктор продолжал смотреть ему в лицо и улыбаться.

– И это все? – спросил Рик, не сумев скрыть презрение. – Ради этого вы убили собственных сотрудников? Ради того, чтобы превратить их кошмары в реальность?

Улыбка Зиновьева стала шире.

– Ну что вы, молодой человек. Все чуточку сложнее. Но я не уверен, что вы поймете, если просто расскажу.

Рика это задело. Он отстранился от кресла и брезгливо процедил:

– Я был прав, вы не безумец, доктор. Вы обыкновенное чудовище.

На Зиновьева это, однако, впечатления не произвело. Он продолжал сиять.

– Рад, что мы с вами совпадаем во мнениях. Да, господин Пантелеев, вы совершенно правы, я – чудовище. Но не будьте столь суровы. Я целиком и полностью осознаю и признаю вину. Я совершил страшный поступок. Но еще более страшные последствия ждали бы нас, если б я ничего не сделал. Видите ли, эта дрянь не так мертва, как кажется на первый взгляд. А еще ей нужен ресурс. Послушайте! Сделайте мне одолжение: не позволяйте ей довести начатое до конца! Не позволяйте ей слиться с живой плотью! Особенно с телепатом!

– Ну, как успехи?

Рик вздрогнул. Покинув допросную, он все пытался осмыслить слова доктора Зиновьева, однако не мог увязать их в единую логическую нить. Пробовал подремать – не по-

могало. Как назло в голову лезли всякие ужасы. Попытка прогуляться, но и тут неудача. Куда бы он ни шел, мысли об инопланетном корабле и трех убитых студентах не покидали его. С трудом оторвав взгляд от панорамы гейзеров, выбрасывавших в темное европейское небо тонны воды, Рик наконец оглянулся.

У широкого обзорного окна стоял весьма немолодой, но поджарый мужчина в форме офицера службы безопасности «Олимпа» и давил дежурную улыбку. Его значок блеснул серебром в тусклом свете потолочных ламп. Чуть ниже значилось: капитан М. Фатыхов.

Оценив «учтивость», Рик кивнул:

– Это он. – В коридоре было довольно прохладно и испарина, выступившая на бритом наголо затылке, причиняла изрядный дискомфорт. – По крайней мере, в двух случаях из трех.

Капитан бросил короткий взгляд на панораму Юпитера, развернувшуюся за плечом Рика, и неожиданно нахмурился.

– Уверен?

Рик приподнял бровь. Его профессиональная гордость была уязвлена куда больше, нежели ничем необоснованное панибратство.

– Сам видел, как это случилось. И, если интересно, зрелище, которое мало кому посоветовал бы.

– Тоже мне, – буркнул Фатыхов, продолжая сверлить взглядом большое красное пятно, словно лишь оно было по-

винно в его дурном настроении. – Я не суеверный, но после сраной находки, весь персонал перестал спать. Блядские кошмары каждую гребаную ночь, и без таблеток глаз сомкнуть невозможно. И вообще, в этом гадюшнике дерьма всегда хватало. Как и жмуров. Только я еще не видел, чтоб из них делали икебану и утверждали, что это ради общего блага.

Правила Пси-Академии запрещали читать мысли без особой на то санкции, но для опытного псионика понять, о чем думает собеседник, по одной только мимике не проблема. Глядя на суровое лицо Фатыхова, Рик ощущал его пренебрежительное отношение к правилам и, мягко говоря, раздражение, вызванное появлением на станции того, кто способен вытащить на свет самое потаенное.

– А вы не слишком жалуете протокол, я прав? – вежливо поинтересовался он.

– Не жалуя *инквизиторов*. – Последнее слово капитан выплюнул с такой гадливостью, будто для него не существовало ругательства страшнее. – Я с самого начала был против того, чтобы впутывать в это дело Пси-Академию. Ненавижу мыслеебов! Шныряете повсюду с таким видом, будто лучше всех! Новая ступень эволюции?! Ага, держи карман шире! Кто бы что ни говорил, а я нутром чую неладное. Телепаты среди марсиан появились неспроста. Наверняка проделки земляшек, а может, и того хуже. Может, все дело как раз таки в инопланетяшках, чье корыто здесь отрыли.

Отповедь не вызвала у Рика ничего, кроме желания широко зевнуть. Обычные люди псиоников не любили, не понимали и, чего греха таить, побаивались. И с этим фактом приходилось считаться. Тем не менее Рик не мог хотя бы не попытаться прояснить, как все обстоит на самом деле.

– Что ж, благодарю за откровенность. Но что бы вы себе ни думали, поверьте, мы на одной стороне. Я – такой же человек, как и вы. Не больше и не меньше.

– Твои глаза, парень, и татуировки говорят об обратном.

Рик моргнул. Рука невольно коснулась черной полосы, спускавшейся от уха и скрывавшейся под воротничком черной же рубашки – обязательного отличительного знака для всех выпускников Пси-Академии. Он открыл рот:

– Это же не...

Но Фатыхов и слушать не захотел. Синева усталости вокруг его налитых кровью глаз стала еще заметней.

– Когда отчаливаешь? – грубо перебил он.

– Как только покончу с формальностями. Надеюсь, управлюсь к утреннему рейсу.

– Ну и отлично. Счастливого пути, если что. – Развернулся на каблуках и широким шагом двинулся вглубь станции, вновь оставив Рика наедине с собственными мыслями. Ближайший гейзер взорвался очередной порцией воды, заставив конструкцию научного комплекса мелко задрожать.

Рик выглянул в окно. С тех пор, как под поверхностью Европы было установлено наличие водяного океана, ученые со

всей Солнечной Системы мечтали о его изучении. В гонке, к вящей неожиданности всех игроков, победила исследовательская корпорация с Марса. Никто доподлинно не знает, сколько усилий было потрачено, чтобы добиться успеха, но в том, что директорат «Олимпа» не скупился, вкладывая миллиарды в, по сути, химерический проект, никто не сомневался. Складывалось впечатление, будто они знали куда больше, нежели остальные, и это во многом подстегивало интерес научного сообщества. Именно «Олимп» наладил бесперебойное транспортное сообщение между Европой и Марсом. На их средства был создан самый современный научный комплекс, который с виду напоминал здоровенную заплатку на теле луны. Впрочем, если задуматься, неправильный шестиугольник и впрямь служил своего рода куполом, скрывавшим под собой глубокую каверну, пробуренную во льду. Поначалу бывший лишь сетью разрозненных жилых блоков, где ученые могли проводить свои исследования, невзирая на чудовищные условия снаружи, он со временем превратился в практически неприступный редут. Зону отчуждения. Базу, попасть на которую не мог никто, кроме марсиан самой высокой квалификации.

Рик огляделся по сторонам. Фатыхова и след простыл, а местные служащие, деловито сновавшие по коридору с неведомо насколько важными делами, в отличие от камер видеонаблюдения, не обращали на гостя никакого внимания.

Еще один короткий взгляд на пейзаж за окном.

С самого начала колонизации Европа удивляла человека. Вынуждала строить теории, и при этом всякий раз умудрялась превосходить любые ожидания. Это касалось и тектоники ядра, благодаря присутствию Юпитера, не позволяющему океану замерзнуть, и наличия сложных организмов, обитавших в этом самом океане. История с инопланетным кораблем, замороженным в лед, исключением не была, и во многом лишь подтверждала правило, что Солнечная Система далеко не так проста и ограничена, как кажется. И Рик внезапно для себя понял, что не может покинуть Европу, не взглянув на находку Зиновьева хотя бы глазком.

Это не было прихотью или отблеском праздного любопытства, но импульсом, на осознание и попытку преодоления которого у Рика ушло несколько долгих минут. Он понимал, что служба безопасности станции наблюдает, и что подобная нерешительность может вызвать поток подозрений, но не мог отмахнуться от необычного зова. Как если бы слова доктора Зиновьева о находке и телепатах послужили спусковым крючком для некоего психического снаряда, взорвавшегося над поверхностью луны и окружившего ее неопределенным ментальным фоном. Это привело к обострению сверхчувственного восприятия Рика и раскрыло научный комплекс с совершенно новой стороны. Складывалось впечатление, будто в самих этих монохромных стенах таилась история, которая жаждет быть рассказанной тому, кто *умеет* слушать.

Прикрыв глаза, Рик дотронулся до ближайшей панели и

постарался проникнуться тем, что это место желало поведать.

Он услышал его. Не сразу и не так четко, как хотелось бы. Но это без сомнения был тот самый призрачный шепот, что носится меж звезд, подобно солнечному ветру, и наполняет реальность значением. Шепот взывал к Рику. Слова не прозвучали, но проявились, как отпечаток, негатив смысла, чьи следы мелькали на внутренней стороне сознания. Они указывали направление. И Рик откликнулся на этот зов.

Он шагал словно во сне. Бездумно пересекал коридоры, пользовался служебными лифтами, которые таинственным образом сами распахивали створки перед ним, и при этом ни разу не столкнувшись ни с одним из сотрудников комплекса. Рик не пытался искать объяснения всему происходящему. По крайней мере, пока. Не мог он и сопротивляться. Лишь действовал согласно некоему императиву, древнему побуждению, потревоженному копанием в памяти Зиновьева.

Очнулся Рик лишь когда обнаружил перед собой то, из-за чего жизнь каждого из членов исследовательской команды безвозвратно изменилась. Жуткий тотем, созданный Зиновьевым, убрали вместе со следами убийства. Рик поначалу еще пытался осмыслить полное отсутствие какой бы то ни было охраны или хотя бы гражданского наблюдателя, но едва взглянул на корабль, очищенный ото льда и представший во всем блеске своего инопланетного великолепия, напроочь позабыл о таких мелочах. Казалось, будто внимание

Рика попало под воздействие мощного магнита. Оторваться просто не представлялось возможным.

Должно быть, минул не один час, прежде чем в голове зародилось сомнение, что здесь что-то не так. Несмотря на плавность линий и удивительного многоцветья, таившегося в деталях обшивки, сам корабль, в сущности, не представлял собой ничего настолько уж невообразимого. Скорей типичный концепт, рожденный человеческой мыслью, пытавшейся изобразить, как бы выглядел транспорт чужой звездной системы. И все же Рик не сомневался, что корабль настоящий. И причиной тому служил все тот же шепот, что исподволь, но так отчаянно пытался привлечь к себе внимание телепата.

Рик сделал шаг вперед.

– Я бы этого не делал, – послышалось сзади.

Он оглянулся.

У створок лифтовой кабинки стоял капитан Фатыхов и целился из своего табельного плазмострела в голову Рика.

– Подумай как следует, Пантелеев. Стоит ли попытка жизни?

– Я ничего плохого не сделал.

– Это только пока, – в своей обычной саркастической манере выдал Фатыхов. – Ты уже начудил. Не усугубляй ситуацию.

На невысказанный вопрос псионика, капитан пояснил:

– Мне только что сообщили, что доктор Зиновьев покон-

чил с собой. Я, было, решил, что он просто испугался неминуемой казни, но нет. Старый дебил окончательно съехал с катушек и, откусив себе язык, им же задохнулся. – Последнюю фразу Фатыхов высказал с искренним отвращением. – Понятия не имею, как ему это удалось, но, догадываюсь, что без посторонних не обошлось. А теперь угадай, кого я подозреваю?

Смысл обвинения дошел до Рика лишь спустя несколько мгновений, да и то как будто пробивался сквозь густой кисель мыслей.

– Считаете, я подтолкнул его?

Фатыхов пожал плечами:

– В этом мы еще разберемся. Ну а пока медленно отойди от этой штуки, и не забудь руки при этом держать на виду. Ладушки?

– Капитан, вы ошибаетесь!

Тот сверкнул глазами.

– Не исключаю. Но руки ты все-таки поднимаешь, телепатского говна кусок! Я в тебя верю. Ха-ха! А теперь на выход. И без глупостей!

Наваждение, властвовавшее над Риком все это время, схлынуло. Он сообразил, что несанкционированным появлением в месте раскопок накликал на себя беду, и все же тон Фатыхова задел за живое. Будь капитан хоть трижды шовинистом, у него не было оснований вести себя столь агрессивным образом. В конце концов, Рик исполнял служебный

долг. В некоторой степени.

– Капитан, – заговорил он насколько мог вкрадчиво, – опустите оружие. Я все объясню.

В глазах Фатыхова мелькнуло нечто, отдаленно напоминавшее интерес.

– Объяснишь, почему как крыса крался по моей лаборатории?

– Попытаюсь.

– Ну так выкладывай.

Рик вздохнул. Важно было подобрать правильные слова.

– Все дело в том, что меня сюда что-то привело.

– Что-то? – Фатыхов издевательски усмехнулся. – А я, знаешь, угадаю. Жадность – вот в чем беда. Желание нажиться на чужих секретах. Я всегда говорил, что вам, мыслебам, палец в рот не клади – оттяпаете по самый локоть!

Рик не стал уточнять, шутит капитан или же всерьез, но на всякий случай заметил:

– Зиновьев стал убийцей не сам по себе. Его что-то подтолкнуло к этому. Он был единственным, кому здесь не снились кошмары и единственным же, кто при этом, – он оглянулся на корабль, чей непостижимый, гипнотизирующий рисунок переменялся намного более заметным образом, – осознал причину чужих снов.

Фатыхов, разумеется, ничего не заметил.

– Он был безумец! Псих, поехавший из-за находки! И ты, пошарив в его мозгах, стал таким же!

Но Рик упрямо покачал головой.

– Нет, капитан. Доктор Зиновьев хорошо понимал, что делает. Я в этом не сомневаюсь. Он пытался защитить всех.

– Защитить? Перебив собственную научную группу? – Несмотря на полный сомнений тон, Фатыхов все же проглотил наживку. Об этом Рику сказал опущенный плазмострел.

Успех надо было срочно закрепить.

– Вы говорили, – напомнил Рик, – что после того, как звездолет откопали, вся станция перестала спать. Это из-за кошмаров?

– И что? Как это связано?

– Зиновьев утверждал, что спал, как младенец. А еще он сказал, что пытался помешать кораблю покинуть ледник.

– Ну так ведь псих. Что с него взять? Эта штуkenция провалялась в местных льдах черт его знает сколько лет. Как она вообще способна куда-то полететь?! Алло!

Рик, покачав головой, затылком ощутил недовольство, которое выпрыснулось в воздух подобно чернилам кальмара. Он не рискнул еще раз оборачиваться, но на всякий случай сделал несколько осторожных шагов в сторону капитана. Думать о найденном звездолете как о неодушевленном реликте из тьмы веков уже не получалось.

– Или он был единственным, кто сумел правильно истолковать видения окружающих и постарался предупредить катастрофу?

Фатыхов, упрямо ничего не замечая, выплюнул:

– Да что ты, блядь, несешь, Пантелеев? Ты хоть сам себя слышишь? Предупредить катастрофу? Он ее устроил!

– Нет, капитан, – проговорил Рик, с усилием подавляя собственную дрожь. – Настоящая катастрофа еще впереди.

На сей раз он все-таки рискнул оглянуться и, когда взгляд его упал на пучок щупальцевидных отростков, торчащих из той части корабля, которую можно было счесть носовой, потрясенно замер. Они шевелились! Медленно и неохотно, будто не отошли от очень долгого сна, но все же шевелились!

– Пантелеев! – заорал Фатыхов не своим голосом. Дуло плазмострела нацелилось Рикю в грудь. – Твои штучки?!

– Какие еще штучки, капитан? – выпалил он.

– Я же не спятил? Эта хуйня и в самом деле шевелится?!

– Боюсь, что так.

– Но почему? Что ее оживило? Ты, ебаный мыслееб?!

Рик, чей взгляд оставался прикован к слишком непостижимой, чтобы казаться реальной, картине, почувствовал болезненный тычок под ребра, но даже не подумал отступить или вздрогнуть. Следя за тем, как корабельные отростки приобретали всю большую плавность в движениях, он будто напрочь позабыл про все постороннее. Странные изгибы длинных и оказавшихся чрезвычайно гибкими щупалец с игловидными кончиками, напоминали танец, целиком и полностью приковывая к себе внимание. На прежде ясный разум телепата вновь нашло затмение.

– Пантелеев, ты куда?!

Рик осознал, что шагнул обратно к кораблю, только когда жесткие пальцы капитана крепко ухватили его за локоть.

– Совсем с ума спятил?!

Но Рик, удивив даже себя самого, улыбнулся:

– Весьма странно говорить подобное телепату, капитан. –

Он попытался аккуратно высвободиться из хватки. – В каком-то смысле, мы все и всегда не в своем уме. Прошу вас, отпустите меня, капитан. Я должен выяснить, что оно хочет мне показать.

Но Фатыхов не сдавался. Удивительным образом не обращая внимания на гипнотический танец щупалец, он резко встряхнул Рика, словно надеясь таким образом вернуть тому ясность ума.

– Вспомни, что стало с Зиновьевым, придурок! Забыл, из-за чего у него кукуха поехала?

В душе Рика что-то всколыхнулось – воспоминание, давно забытое, но ни с того ни с сего заявившее о себе неясной и ничего не объясняющей вспышкой. Зиновьев. Зиновьев... Что-то не так было с этим именем. И не потому, что принадлежало тому, кто без зазрения совести прикончил и изуродовал собственных студентов. Нет. Рик силился вспомнить, что доктор сказал ему напоследок...

– Ей нужен ресурс, – пробормотал он.

– Что? – Фатыхов силился, но ничего не понимал.

– Этой твари нужен ресурс, – повторил Рик, и по мере того, как все больше думал об этом, понимал, к чему кло-

нил доктор. – Корабль – живое существо. Все это время он находился в спячке, пока один из студентов Зиновьева не пробудил его, прикоснувшись. Сам этот корабль не в состоянии оторваться от поверхности. Ему нужна помощь. Оттого у всех на станции кошмары! Понятия не имею, что в Зиновьеве было такого особенного, из-за чего он не поддавался этому влиянию, но что-то явно было. Возможно, именно поэтому он и соорудил то ужасное чучело. По его мнению, оно должно было помешать психическим волнам пришельца распространяться.

Капитан, ожидаемо, не впечатлился.

– Ты всю эту чушь на ходу сочиняешь, ведь так?

Рик, стараясь не показать, как сильно его задели озвученные сомнения, поинтересовался:

– А у вас есть иной способ все объяснить?

– Да как, твою мать, инсталляция из троицы мертвяков способна блокировать какие-то там волны?!

Рик пожал плечами. Он чувствовал, что ответ совсем близко, но подобраться к нему все еще не мог; мысль все время ускользала, как угорь из рук. Чудовищность поступка Зиновьева, его надругательство над собственными студентами не произошло без причины. Во время сеанса Рик убедился в полной вменяемости доктора, а значит, резонно мог предполагать, что тот знал, для чего все это делал. Осталось только отыскать верную ниточку.

Рик опять посмотрел на корабль. Больше не восприни-

мая его как нечто неодушевленное, он не удивился тому, что каждое движение щупалец воспринимает в качестве демонстрации настроения. Во всяком случае, именно крайнюю степень раздражения Рик считывал с особенно резких взмахов.

– Если эта срань жива, ее надо прикончить! – крикнул Фатыхов и без предупреждения выстрелил.

– Нет! – Рик попытался отвести дуло капитанского плазмострела в сторону, но лишь получил по лицу.

Боли было немного, а вот внезапность удара шокировала. Не будучи готовым к столь резкому отпору, Рик потерял равновесие и свалился на лед.

– Нет? – рывкнул Фатыхов, нависая над телепатом скалой, готовой обрушиться. – А что же? Притащить ту сиамскую трицу обратно и поглядеть, не притихнет ли птичка?

Рик не ответил. Дождавшись, когда звезды, мелькавшие перед глазами, рассеются, он повернулся к звездолету. Тот, несмотря на прямое попадание, ничем не показал, что вообще заметил плазменный сгусток, угодивший по корпусу. Разве что движение щупалец стало чуть более хаотичным.

– Погодите, – выдохнул Рик, тяжело поднимаясь на ноги. – Позвольте мне сначала прощупать его. Если эта штука действительно испускает какие-то волны, быть может, мне удастся уловить их. А может, и понять.

– Эта тварь, чем бы она ни была, – заупрямился Фатыхов, – несет угрозу персоналу станции. Мой долг защищать

людей, а не неведомую инопланетную хуетень, способную выебать мозг даже самому залуapistому мозгоебу. Я не подпущу тебя к ней!

Что ж, Рик готов был признать, что свой резон в словах капитана имелся. Тем не менее это не означало, что ситуацию следовало бросить, не разбираясь. Скула горела после оплеухи и стремительно опухала, так что без синяка не обойдется, но Рик решил, что может простить Фатыхову его горячность. На кону стояло нечто посерьезней личных обид.

– Капитан, я должен. Неизвестно, как эта... это... этот корабль отреагирует на попытку покончить с ним. Мы даже не знаем, возможно ли вообще его уничтожить! Но зато мы знаем, что он чувствует живых и реагирует на их присутствие. Возможно, если мне удастся наладить контакт, проблема решится сама собой.

– Или все станет еще хуже.

Лгать смысла не было, и Рик не стал юлить.

– И это тоже правда. Но мы никогда не узнаем, если не проверим. Я готов рискнуть.

– Черта с два! Еще один жмур мне здесь нахуй не нужен. А если ты кукохой поедешь, как Зиновьев? Что я тогда буду делать? Пси-Академия меня с говном сожрет! Это же ебучий первый контакт, а у тебя нет никаких полномочий!

– Беру всю ответственность на себя. Капитан, – добавил с нажимом Рик, не успев Фатыхов выложить новую порцию возражений, – я знаю, что делаю. И даже если, все кончится

плохо, мы хотя бы убедимся, что с этой штукой нельзя иметь никаких дел. Четверо погибли из-за нее. Мы обязаны выяснить, почему.

На несколько мгновений повисла гнетущая тишина, прерываемая лишь щупальцами корабля, с хрустом трущихся о лед. Фатыхов впал в глубокую задумчивость. Рик понятия не имел, понимал ли он, что телепат в любой момент мог просто взять разум капитана под контроль и беспрепятственно подойти к кораблю, но проверять не хотел. Невзирая на, мягко говоря, натянутые взаимоотношения, он считал важным, чтобы начальник службы безопасности именно согласился с приведенными доводами.

Решал Фатыхов недолго.

– Хуй с тобой, делай, что считаешь нужным. Но, – и он нарочно поднял руку так, чтобы хромированный корпус плазмострела блеснул, – если мне хотя бы покажется, что с тобой что-то не так, я вышибу тебе мозги, не задумываясь. Усек?

Рик долго смотрел на оружие. В свете расставленных по периметру раскопа прожекторов оно вдруг показалось более устрашающим, чем оживший инопланетный корабль за спиной. Затем кивнул:

– Понял. – И выбросив из головы все мысли о капитане, сосредоточил все внимание на прищельце.

Какое-то время он размышлял, как подступиться к звездолету. Непосредственно физический контакт был бы предпочтительней, но предыдущая попытка одного из лаборан-

тов дала понять, насколько идея плоха. Тогда Рик решил сделать так, как поступал в тех редких случаях, когда ему приходилось взаимодействовать с запертыми в изоляционных клетках убийцами. Он медленно снял все ментальные блоки, которыми каждый телепат отгораживается от мыслей окружающих. Один за другим защитные барьеры спадали, открывая сознание внешнему воздействию. Никогда в жизни ему не доводилось чувствовать себя более уязвимым. Совершив несколько расслабляющих вдохов, Рик мысленно обратился к кораблю. Обошлось без слов или четко сформулированных желаний, лишь чистое, на грани наивности, любопытство, выраженное в форме легкого психического касания. Коснулся и все, принялся ждать.

Однако ждать пришлось долго. Притом настолько, что Фатыхов, о котором Рик напрочь успел позабыть, занервничал.

– Пантелеев, ну что там? Чего ты молчишь, мать твою?!

– Заткнитесь, капитан!

– Эй! – моментально взвился тот. – Ты охуел что ли?! Не смей меня затыкать!

Рик не удивился бы, если б старый служака после этого бросился на него с кулаками, но даже не подумал обернуться. Уязвленное самолюбие Фатыхова его не волновало, а вот реакция корабля, будто нарочно поджидавшего, когда кто-нибудь выйдет из себя и даст маху, – очень даже.

Первым, что Рик увидел, было щупальце, метнувшееся

вперед с таким удивительным проворством, что в течение пары следующих мгновений он даже не понял, что случилось. А когда все-таки сообразил взглянуть на Фатыхова, тот уже захлебывался кровью, хлеставшей из сквозной дыры в его же горле.

– Ты... ты... он... сука!..

Остолбенев от неожиданности, Рик мог лишь смотреть, как глаза капитана закатились и он рухнул лицом вниз, не обещая подняться.

– Капитан! – Рик попытался броситься на помощь, но с удивлением обнаружил, что не только внезапность смерти начальника службы безопасности мешала ему пошевелиться. Опустив взгляд, он увидел, что еще одно инопланетное щупальце, став тонким и гибким, подобно хлысту погонщика, крепко обвил его лодыжки и не позволяло сделать и шагу. – Ах ты...

Договорить ему тоже не дали. Корабль, будто почуяв перемену в настроении, без усилий повалил Рика на лед и потащил к себе.

Рик пробовал вырваться, но все было тщетно. Каждая его попытка освободить ноги от пут звездолета, вдруг превратившегося в кровожадное чудовище, разбивалась о несоизмеримость сил. Как-никак тварь в сотни раз превосходила его размерами и уж явно не могла уступать мощью. Кроме того, невзирая на состояние, близкое к панике, Рик не забывал, что случилось с лаборантом, коснувшимся корабля го-

лой рукой. Пускай он не представлял, какая именно участь ему уготована, самостоятельно повторять подвиг студента, Рик не собирался.

В поле зрения попался всеми забытый пояс убитого лаборанта.

Рик, продолжая скользить по льду, повиновался инстинкту и схватил болтавшийся на скобе ледоруб. Немерющие от холода пальцы вцепились в гладкую рукоятку, словно в последнюю соломинку. Само собой, попытка побороть звездолет ничего бы не дала, и Рик не стал даже пытаться. В его голове зародилась идея, которая могла сформироваться лишь под тяжестью обстоятельств. Все еще не понимая, какая участь ему уготована, он перехватил инструмент поудобней и, подгадав момент, когда окажется в непосредственной близости от зловеще поблескивавшего корпуса, размахнулся и со всей силы вогнал изогнутое острие в блестящую обшивку.

Глупо было ожидать немедленной реакции, особенно с учетом последствий выстрела Фатыхова. Тем не менее ответ последовал, но выразился в виде лилового разряда, ударившего Рика по руке.

Крик боли потонул в машинном скрежете, которым внезапно разразился не предполагавший этого корабль. Рик казалось, будто в его уши впиваются тысячи мелких сверл, разрывая в клочья барабанные перепонки. Сам себя он больше не слышал, но зато с необычайной ясностью осознавал,

что происходит. Как если бы душераздирающий звук, издаваемый пришельцем, служил некоторым средством коммуникации. Множественное эхо ощущений, весь смысл которых сводился лишь к одному: корабль хотел оставить свой ледяной плен, чтобы воссоединиться с далекими братьями. Для этого он нуждался в разуме, достаточно натренированном для исполнения роли центрального обрабатывающего устройства. А чей разум мог подойти для этого лучше, чем разум телепата?

Едва полное понимание этого достигло сознания Рика, он перестал сопротивляться. И дело тут было далеко не только в тщетности борьбы. Неведомо как, неведомо почему, он вдруг с ясностью, какой еще ни разу в жизни не испытывал, ощутил, что только бросив попытки вырваться, сумеет сохранить и собственное «Я» и возможность свободно мыслить. А это-то ему и надо было. Фатыхов считал телепатов результатом творения неких «инопланетяшек», мечтавших поработить человечество. Что ж, Рик готов подтвердить или опровергнуть это утверждение. Только прежде собственными глазами убедиться, какие цели преследуют те, к кому так стремится найденный корабль. И как только все прояснится, Рик приложит все возможные усилия, чтобы вернуться домой и рассказать людям правду.